

- 6 Полонский Я.П. Письмо к А.П. Чехову, 8 января 1888 г. // Слово. Сборник второй. М., 1914. С. 224.
- 7 Полонский Я.П. Письмо к А. Фету, 29 марта 1888 г. // А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. М., 2008. Кн. 1. С. 637.
- 8 Эйхенбаум Б.М. Я.П. Полонский // Полонский Я.П. Стихотворения. М.; Л., 1954. С. 35.
- 9 См. об этом: Строганов М.В. Человек и природа в русской литературе XIX века: к истории формирования экологической проблематики // Дары природы и плоды цивилизации: Экологический альманах. Тверь, 2003. С. 42–56.
- 10 Дружинин А.В. Литературная критика. М., 1983. С. 89.
- 11 Там же. С. 95.
- 12 Полонский Я.П. Письмо к А. Фету, 19 декабря 1890 г. // А. Фет и его литературное окружение: Кн. 1. С. 861.
- 13 Фет – Полонскому. 21 декабря 1890 г. // Там же. С. 864.
- 14 См.: Строганов М.В. А.А. Фет и его «маленький приятель граф С.Л. Толстой» (Вокруг «Первого зайца») // Друзья и гости Ясной Поляны: Материалы науч. конф., посвящ. 160-летию С.А. Толстой (1844–1919). Тула, 2006. С. 42.
- 15 Григорьев А.А. Литературная критика / Сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Егорова. М., 1967. С. 100.
- 16 Московские ведомости. 1889. 29 янв. № 29.
- 17 Строганов М.В. «Мир от красоты». Проза и поэзия Фета. Курск, 2005. С. 7.
- 18 Слово. Сборник второй. М., 1914. С. 232–233.
- 19 Я.П. Полонский в прозе // Вестник Европы. 1900. № 4. С. 643.
- 20 Садовской Б. А.А. Фет // Садовской Б. Ледоход. Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 70.
- 21 Фет А.А. Дядюшка и двоюродный братец // Фет А.А. Соч. и письма: В 20 т. / Гл. ред. В.А. Кошелев. СПб., 2006. Т. 3. С. 41, 73, 74.
- 22 Фет А.А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 79.

УДК 821.161.1.09 – 4+929 Битов

«ГРАНИЦЫ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА» В ЭССЕИСТИКЕ А.Г. БИТОВА

Э.Ф. Тугушева

Саратовский государственный университет
E-mail: elfeja@mail.ru

В статье рассматривается эпистемологический характер времени и пространства в эссеистике А.Г. Битова, принцип вовлечения автором определенных текстов культуры в метапоэтический контекст собственного творчества. «Граница времени и пространства» определяется как мера духовного опыта, без которого невозможна ни отдельная судьба, ни культура.

Ключевые слова: А.Г. Битов, эссе, метапоэтика.

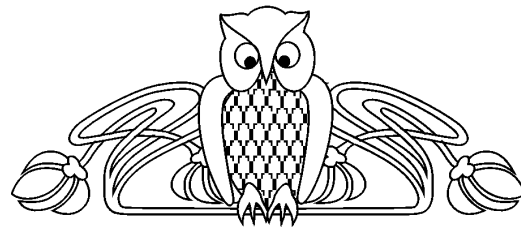
«Scopes of time and space» in A.G. Bitov's Essays

E.F. Tugusheva

The epistemological nature of time and space in Bitov's essays is analyzed, the principle of involvement of other cultural texts in Bitov's own meta-poetical contexts. «The scope of time and space» is defined as a measure of spiritual experience making possible individual fate and culture.

Key words: A.G. Bitov, essay, meta-poetics.

А.Г. Битов, размышляя об авторском начале в произведениях В.В. Набокова, отметил, что о самом Набокове из его текстов ничего нельзя узнать. В этом смысле Битов, напротив, не скрывает свою авторскую открытость в собственных текстах. И.Б. Роднянская пишет о постоянном присутствии в его произведениях бодрствующего самосознания, о том, что творчество автора воспринимается как «единый метатекст, открытый разнообразным способам членения». Более того, И.Б. Роднянская, связывая авторские «путеше-

ствия» с духовным началом, на наш взгляд, прослеживает четкую «ось» творчества Битова. Причем эта связь осуществляется не только на уровне игры с культурными символами, как предполагает, например, И. Клевх, говоря о русском даосизме Битова. Исследовательница говорит о том, что мировоззренческие аспекты в творчестве писателя настолько сильны, в связи с чем происходит некое неизбежное, но все же естественное раздвоение. Однако И. Роднянская видит характер такого раздвоения в ином ракурсе, чем это было преподнесено в статьях других исследователей (В. Турбин, А. Марченко): «После «Уроков Армении», первого духовно значительного «путешествия» раздвоение эссеиста, пишущего от первого лица, и сюжетного повествователя, передоверяющего впечатления третьему лицу, авторскому герою (и «антигерою»), – раздвоение это стало для Битова существенным творческим актом»¹. И далее: «... Битов – прозаик со своим «авторским героем». Это значит – с таким, чье сознание служит окном в реальность и чей внутренний мир всегда обнаруживается непосредственно (а у других персонажей – только косвенно, по данным, полученным от этого главного лица), ибо ценен для писателя как родственная душевная структура и как практическая модель самоанализа»². Однако И.Б. Роднянская недоговаривает о том, какие пути ведут к пониманию битовского мира, но дает, на наш

взгляд, мощную предпосылку для дальнейших поисков, в том числе через эссеистику писателя.

Эпистемологический характер времени и пространства в эссеистике А.Г. Битова подчеркивается прежде всего его идеями, взглядом на литературное творчество других писателей и поэтов, размышлениями о культуре в целом. Но неизменна в эссе Битова художественность, которая является не просто своеобразием стиля, авторского голоса, но и вовлечением автором определенных текстов культуры в метапоэтический контекст собственного творчества. Исходя из этого можно выявить те метапоэтические принципы, по которым эссеистику Битова можно рассматривать не как отдельный жанр, но как продолжение темы границ, звучащей в художественных и поэтических произведениях автора. Граница текста для Битова открыта, и «неизбежность ненаписанного» возвращает его к уже изданному тексту. Границы в самом тексте, а именно, граница прозы и поэзии, времени и пространства, духовно-эстетические границы извлекаются из самой культуры, из основ человеческого существования и собственного духовного опыта. Для автора зафиксировать поток реальности в тексте, не зафиксировав себя в духе, оказывается невозможным, как невозможна культура без памяти. Поэтому Битову так важно, на каких границах времени и пространства культура осознает себя и какой урок получает.

Так, в преамбуле к книге «Пятое измерение: На границе времени и пространства» обозначено самое свойство «пятого измерения», причем свойство это неразрывно связано с творческим кредо писателя. Битов пишет: «Соединив принципиальную часть своих сочинений в прустовскую последовательность единой книги в «Империю в четырех измерениях» (1996), я неизбежно вышел на «Пятое», то есть на книгу о русской литературе, ибо если бы не она, мы бы уже забыли, что это такое как состояние – быть империей, не узнавая в обломках части целого. В классическом распределении параметров нашего мира время оказалось четвертым, связав воедино объем и его движение, но не учтя его изменение (развитие) в этом движении. Изменение это может быть запечатлено только памятью. Память как пятое измерение свойственна материи, но впервые была открыта нами как форма сознания, а лишь недавно как свойство кристалла, металла или жидкости. Литература оказалась *знанием* более древним, чем наука»³. Таким образом, Битова как писателя-мыслителя волнует скорее не то, что находится по ту сторону «классического» распределения параметров нашего мира», но то, как на самом деле причудливо на границе времени и пространства осуществляет себя память. В этой связи можно предположить, что культурная память для Битова это далеко не багаж накопленных знаний, но само по себе *знание*, тождественное реальности – реальности, благодаря духовному опыту каждый раз неповторимой в своем про-

явлении. Процесс получения такого знания, *образование* – это увлекательное путешествие по рубежам культуры в поисках реальности. Очевидно, что эта творческая концепция послужила Битову неким фильтром, что обуславливается его обращением к определенным внутренним процессам русской литературы. Поскольку речь идет именно о литературной культуре, то наиболее верно, как нам представляется, исходить прежде всего из метапоэтических принципов Битова, а не ограничиваться только описанием авторских идей о том или ином явлении. Как в художественных текстах, так и в эссеистике Битова интересует время и пространство литературы не только вне идеологических установок, но и вне какой бы то ни было пропаганды. В эссе «ГУЛАГ и мемориал Шостаковича» Битов передает механизмы, опустошающие культуру: «Как бы мы ни казались себе независимыми или даже противостоящими после того, как нас перестали убивать, какими бы топорными ни казались методы идеологического воздействия на нас, – пропаганда делает свое дело. То, что она ниже любого интеллектуального уровня, – и есть ее сила. Лозунг работает тем, что надоедает. Никто никого никуда не призывает – утомить до апатии и есть конечная цель. Активной реакции нет – работает подсознание. И тогда задача еще проще – понизить уровень уже не сознания, которое у вас, естественно выше, а подсознания, то есть деморализовать. Ваш заведомый критицизм оплодотворяется пропагандой и порождает некрасивый и жизнестойкий плод – пошлость. Вы прошли обработку» (с. 146). Таким образом, по Битову, не только невежество, но и бездуховная интеллектуальность по сути так же тоталитарны, как и идеологический строй. «Смелость художника, – пишет далее Битов, – это не бесстрашие человека. Все-таки у художника воображение будет побогаче, чем у палача, и он сам лучше знает, что и насколько он преступил» (с. 153). Следует заметить, что это переключается с мыслями Набокова о том, что настоящим преступником не обладает подлинным воображением. Поскольку, по Набокову, воображение – это род памяти, то это в свою очередь возвращает нас к битовской идее «пятого измерения». Однако и тот, кто пишет о художнике, должен обладать не меньшей смелостью. Разумеется, смелость здесь равноценна таланту пишущего. В упомянутом эссе Битов не скрывает своего восхищения талантом Соломона Волкова, написавшего книгу о Шостаковиче: «Отдельность С. Волкова выражена хотя бы в его сносах; сноски выражают его иной раз даже больше, чем он того бы хотел. А книга – от и до – слова Шостаковича и только его. С. Волков бы так не сказал. Но авторская его роль в этой книге с неизменным голосом Шостаковича исключительна и тоже наводит на мысль» (с. 151). Это в сущности есть метапоэтический принцип самого Битова. Книга С. Волкова называется «Показание». Битов акцентирует это лишь в конце

своего эссе, показав бесценность самораскрытия человека, чувствующего себя частью истории и культуры, в котором «страх человека порождает все большую смелость в художнике». В целом «вдовствующая культура» – это особая тема битовской эссеистики. В этом контексте Битов обращается ко всей русской литературе, задаваясь вопросами об ее истоках, кризисах и особых зонах напряжения, в центре которых литература являла себя не только через великие тексты, но и великие личности. Так, по мысли Битова, Аввакум предшествовал Достоевскому с его «Записками из Мертвого дома», Толстому (роман «Воскресенье») и далее Солженицыну, Шаламову, Е. Гинзбург, Домбровскому. Многие другие имена не только писателей, но и ученых Битов неразрывно между собой связывает, создавая таким образом в своей эссеистике то самое «пятое измерение», которое однако уже не только измерение памяти, но также измерение отдельных судеб, запечатленных в слове. Следовательно, «граница времени и пространства» проходит насквозь через духовный опыт каждого, кто причастен к слову. Даже говоря о Шостаковиче, Битов искренне удивляется такому признанию композитора: «В последние годы я убедился, что слова эффективнее музыки... Когда я объединяю музыку со словами, меня становится труднее неправильно истолковать. Я обалдел, когда понял, что человек, который считает себя лучшим интерпретатором моей музыки, не понимает ее» (с. 153). Так, духовная природа слова – это еще одна ключевая тема эссеистики Битова. Этой теме посвящен цикл эссе под названием «Битва» (это «От «А» до «Ижицы»», «Экология слова», «Соображения прозаика о музее», «Размышления на границе поэзии и прозы», «Молчание слова», «Прямое вдохновение», «Проза и муза (перемире)»). Данный цикл можно обозначить как концентрацию битовской метапоэтики, обращение к языку, словарю как «справедливому аналогу мира, взятого в статистическом сокращении». Битов определяет особое назначение слова: «В слове отнюдь не заключено раскрытие его смысла, в нем лишь координаты в пространстве материи и духа. (...) Выдумать слово можно, нельзя выдумать того, что оно обозначит. Как выводит язык эту общую заслугу предмета, понятия или имени, за которую принимает или не принимает в свои ряды, изгоняет или временно отравляется новым словом, – воистину тайна сия велика есть» (С. 365–366). На наш взгляд, такое отношение к слову не лишено религиозного смысла. С одной

стороны, язык в понимании Битова это словарь, с помощью которого моделируется мир, с другой стороны, язык есть «один единый текст, никому в полноте недоступный, непосильный, текст, который завтра изменится, которого не станет». В стихотворении Битова «Пасха» (с. 524–525) звучат такие строки:

И надо было встать на Землю...
Ее безвидность с пустотой
Видна мне стала. Не приемлю
Я смерть. И свет планете той
Включил Я, отделив сначала
Лишь день от ночи. Чтоб отсчет
Продолжить. Чтобы отличалась
Твердь от земли, земля от вод.

Внушало, но не утешало
Меня Творение. День за днем
Творил, но смерть не исчезала,
А все присутствовала в нем.
(...)

Таким образом, языку, как всему тварному, суждено изменяться и исчезать, если бы, говоря словами Битова, «не было обратной связи между словом и жизнью, если бы нельзя было каждый раз не только надеяться, но и верить, что слово – действительно, что, побужденное жизнью, оно само побуждает жизнь истинную...» (с. 375).

Распознавание «границы времени и пространства» имеет особое духовное предназначение для культуры. Можно заключить, что слово, задающее «координаты в пространстве материи и духа», в разных культурах действительно по-разному и мир состоит из множества пересекающихся пространств и времен. Однако Битова волнуют те границы, которые не разделяют, не разобщают или являются искусственным пределом. Битов определяет «границу времени и пространства» прежде всего как меру духовного опыта, без которого невозможна ни отдельная судьба, ни культура.

Примечания

- ¹ Роднянская И.Б. Движение литературы: В 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 537.
- ² Там же. С. 546.
- ³ Битов А. Пятое измерение: На границе времени и пространства. М., 2002. С. 8. Далее сноски даются на это издание. Страницы указываются в тексте.